

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 134–139. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 134–139. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09”20”

EDN OTYERG

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-134-139>

ОППОЗИЦИЯ «АД – РАЙ» В ПОЭЗИИ Ю.П. КУЗНЕЦОВА

Ильиных Анастасия Витальевна, Тверской государственный университет, Тверь, РФ, anil.mail@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2826-2315>

Аннотация. Данная статья посвящена многоаспектному анализу ключевых для творчества Ю.П. Кузнецова мотивов и образов библейского характера, связанных с реализацией темы загробной жизни. Материалом исследования послужили стихотворения и поэмы разных годов, включающие лексемы «ад» и/или «рай». В процессе работы было определено место указанных образов в художественном мире Кузнецова, рассмотрено их соотношение в свете поэтико-религиозных исканий автора. Показывается, что причастность к духовной составляющей жизни определяется поэтом как приобщение к изначальному бытию, воплощенному в образе райского сада. В противовес ему выступает ад – место «подобия». Анализ указанных образов произведен с учетом библейского канона. Установлено, что оппозиция «ад – рай» отражает не только основную православную концепцию о загробной жизни, но и идею о двух состояниях человеческой души – в лоне религии и вне его, – ключевую для понимания мысли Кузнецова о перво-степенной роли веры в жизни человека.

Ключевые слова: Ю.П. Кузнецов, русская поэзия, христианство, православие, библейская символика, инфернальные мотивы, образ рая.

Для цитирования: Ильиных А.В. Оппозиция «ад – рай» в поэзии Ю.П. Кузнецова // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 134–139. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-134-139>

Research Article

THE OPPOSITION “HELL – PARADISE” IN THE POETRY OF YURIY KUZNETSOV

Anastasia V. Ilinykh, postgraduate student, Tver State University, Tver, Russia, anil.mail@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2826-2315>

Abstract. The article is devoted to a multidimensional analysis of the motifs and images of a biblical nature, key to the work of Yuriy Kuznetsov, related to the realisation of the theme of the afterlife. The research material consists of poems from different years that include the lexemes “hell” and (or) “paradise”. In the course of the work, the place of these images in the artistic world of Yuriy Kuznetsov was determined, their relationship was considered in the light of the poetic and religious searches of the author. It is shown that involvement in the spiritual component of life is defined by the poet as communion with the original being, embodied in the image of the Garden of Eden. In contrast to it, hell stands out – a place of “similitude”. The Biblical canon plays an important role in the analysis of these images. It is established that the opposition “hell – paradise” reflects not only the basic Orthodox concept of the afterlife, but also the idea of two states of the human soul – in the bosom of religion and outside it – key to understanding Yuriy Kuznetsov’s thought about the primary role of faith in human life.

Keywords: Yuriy Kuznetsov, Russian poetry, Christianity, Orthodoxy, Biblical symbolism, infernal motifs, image of paradise.

For citation: Ilinykh A.V. The opposition “hell – paradise” in the poetry of Yuriy Kuznetsov. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 134–139 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-134-139>

Ю.П. Кузнецов – поэт, испытавший значительное влияние библейской традиции. О себе он писал: «Я осваивал поэтическое пространство в основном в двух направлениях: народного эпоса (частично греческого), русской истории и христианской мифологии» [Кузнецов 2015: 163]. Нередко обращается Кузнецов к образамрая и ада, но интересует его не загробная жизнь как таковая, а нравственные и социально-исторические аспекты данной проблемы.

Одним из наиболее значимых в отношении реализации образа ада произведений в поэзии Кузнецова является масштабная поэма «Сошествие в ад», которую поэт называл «самым сложным своим произведением», требующим при прочтении «больших знаний и культуры» [Кузнецов 2015: 163]. О сошествии Христа в ад в канонических текстах упоминают апостол Петр [Деян. 2:30-31] и апостол Павел [Еф. 4:8-9], предсказывает об этом событии и сам Иисус в обращении к ученикам [Мф. 12:40]. Посвящены сошествию Христа в ад и отдельные эпизоды различных апокрифов, таких как «Вознесение Исаии» и «Евангелие от Никодима». Протоиерей Александр Сорокин, рассматривая немногочисленные упоминания об этом событии в текстах Священного Писания, отмечает присутствующую в словах апостола Петра [1Петр. 3:18–20] «осознаваемую христианскую интуицию о возможности спасения тех, кто жил до Христа или даже вне Христа» [Сорокин: 515] – идейный элемент, играющий ключевую роль в поэме Кузнецова «Сошествие в ад».

Рассматривая это поэтическое полотно, невозможно обойти вниманием влияние на нее «Божественной комедии» Данте, а также очевидные при сопоставлении двух текстов различия. По замечанию С.Ф. Дмитренко, наследие Данте стало для поэта не основой для диалога, а «полем острого спора» [Дмитренко: 77]. Идейно «Сошествие в ад» во многом противоположно «Божественной комедии», кроме того, Кузнецов открыто осуждает итальянского поэта, помещая его в ад.

В посвященном анализу данной поэмы статье Н.И. Ильинской отмечены основные отличия от «традиции Данте». Среди них – отсутствие четкой иерархии грехов, которой придерживался итальянский поэт; Кузнецов в своем осуждении грешников руководствуется принципом их нравственной несостоятельности с позиций христианской веры, и его религиозное сознание близко «русскому средневековью» [Ильинская: 116]. Другим ярким отличием является сострадание к падшим как особенность русской, православной ментальности.

Примечательно также, что в спутники лирическому герою поэт определяет самого Христа (в первой части поэмы) и раскаявшегося разбойника, через образ которого выражается вера в возможность духов-

ного спасения грешников и близость героя к народу: «Хотя выражал бестолково // Он свои чувства, я понял его с полуслова» [Кузнецов 3013, 5: 532]. Христос и разбойник в данном случае – аналоги Вергилия-проводника, древнеримского поэта, к которому лирический герой «Божественной комедии» испытывает благоговение и которого называет «родником бездонным», «учителем... примером любимым» [Данте: 45]. Учителем же в поэме Кузнецова становится Христос как первостепенный морально-нравственный ориентир, лирический герой замечает: «Христос тоже поэт» [Кузнецов 2013, 5: 535], тем самым открыто противопоставляя его образу поэта-эталона в произведении Данте и ставя в фокус религиозную духовность как основу поэтического ремесла.

Следующим отличием является тот факт, что ад Кузнецова не обладает четко прописанной топографией, так как это противоречило бы отдельным обозначениям этой вариации инферно: ад – «пучина», «бездна, окутанная тучами смрада и страха», расположенная в пустоте «под Вселенной», место, в котором легко заблудиться в дыму и тумане. Христос дает лирическому герою карту, по которой можно ориентироваться, но это карта звездного неба, а не местности. Ад – своего рода конструкт, компиляция различных мест на земле и в раю, как говорит Христос, «подобье» (даже земля здесь лишь слепок с настоящей земли) – в этом отношении ад соотносится с проявлением инферальных мотивов в творчестве поэта, которые представлены как иллюзорные и не имеющие своих собственных, уникальных, материальных черт. Все вариации реальных мест и явлений здесь оказываются своего рода инферальными двойниками: над головой светит «черное солнце», звезды тусклы, на подобье Голгофы оказывается пародия на древо познания с черными листьями, что летят «меж злом и добром», жаля и шипя, есть здесь и свой Бабий Яр, и свои Лысые горы, храм Христа Спасителя, Китеж и Бастилия – это объясняется тем, что отдельные грешники испытывают муку в местах, где совершили свой грех. Рельеф ада представлен «ступами печали», «темной долиной печали», огненными ямами и черным озером змей. Преобладающие краски – оттенки серого, черный, багровый, картина тускла и неясна, но порой озаряется вспышками огня. Печаль, тревога и страх – основные существительные, используемые в определении настроения, царящего в аду и сердце лирического героя. Прием повтора в данном случае один из часто употребляемых и служит для нагнетания атмосферы отчаяния и безысходности, а также на лексическом уровне выражает парадоксальную топографию ада с ее повторяющимся рельефом и подчас схожими муками: многие из грешников, в большинстве своем политики и полководцы, – предатели, но также и философы,

люди ума, пребывают в огненных ямах. В звуковом отношении в аду царит настоящая какофония: вопли и плачи, стенанья, скрежет зубов («плач и скрежет зубов» – прямая цитата из Библии [Мф. 8: 12]), «стуки и грыки», запахи обозначены одним емким словом «смад». В аду парадоксально совмещаются огонь и лед. Стоит отметить, что относительное однообразие описаний и отсутствие излишней детализации объясняется и тем, что, по словам самого автора, «натурализм претит [его] природе» [Кузнецов 2013, 5: 593].

Путешествие героев по аду – это своего рода путешествие сквозь время, от древнейших времен до современности. Благодаря хронологически выверенным картинам мучимых грешников автор представляет не только суд личностей, но и суд самой человеческой истории. Топография ада, таким образом, основывается не на пространстве, а на времени. Благодаря этому создается образ духовной ловушки, в которую снова и снова попадает человечество: времена меняются, но не люди, поддающиеся все тем же порокам. Линейное развитие истории «развитием» лишь кажется, прогресс культуры и науки становится лишь фикцией, а не деле является лишь отпадением от духовных корней.

Помещенные в ад грешники, реальные и вымышленные люди: ветхозаветные патриархи, деятели церкви, политики и философы, ученые и писатели – делятся на несколько групп. К первой относятся впоследствии спасенные Христом персонажи: волхвы, Иоанн Креститель, патриархи Авраам и Исаак, Сизиф, мудрец Лао-Цзы, Адам и Ева, прощенные «по заслуге мук» [Кузнецов 2013, 5: 537]. Повторяющаяся фраза Христа «Скоро будешь со Мною в Раю» – прямая цитата из Библии, обращенная к раскаявшемуся разбойнику во время казни на кресте [Лк. 23:39]. Отмечена иным рефреном вторая, наиболее четко разграниченная линия грешников – русских предателей: «–Это предатель, – сказал я в глубокой печали. – // Русский предатель. Он душил себя самого. // Так принимает он казнь не от мира сего» [Кузнецов 2013, 5: 546].

В эту линию, начатую Иудой, одним из первых встретившихся на пути героев нераскаявшихся грешников, входят и лица иных национальностей. Среди предателей поэт выделяет изменников родины: Олега Рязанского, князя Курбского, Павлика Морозова, Мазепу, генерала Власова – и отступников веры и ересиархов: митрополита Исидора, епископа Игнатия, Юлиана Отступника, Федора Курицына, Мани, Ария, Схарию и др. К предателям можно отнести также и обманом взявшего первородство Исаака, который оказывается недостойн спасения из-за своего греха. Небольшую группу составляют грешники, при жизни погрязшие в разврате, жестокости и алчности: семья

Борджиа, Эрнан Кортес, Торквемада, Колумб. Значительная количественно линия посвящена осуждению рационалистических, гуманистических и европоцентристских концепций свободы и прав человека с характерными для них духовным сомнением и богоотступничеством и движением к научному прогрессу: Кампанелла, Эразм Роттердамский, Дарвин, Ницше, Эйнштейн, Сахаров, деятели французской революции, Иоганн Гуттенберг, Руссо, Вольтер, Декарт, Гегель, Кант, Белинский, Герцен, Норберт Винер и др. Тематически можно определить в отдельную группу шарлатанов и чернокнижников, всякого рода предсказателей, мистиков и магов: Симона Мага, Фауста, Нострадамуса, Сведенборга, масонов и даже Гоголя. Отдельного внимания заслуживают грешники, представленные парами – Тютчев с Денисьевой (осужденные за прелюбодеяние) и Жанна д'Арк и Жиль де Рэ (за колдовство), а также Фуше с Талейраном (за предательство и беспринципность). На их фоне ярко выделяется пара Ивана Грозного и Анастасии, в которой воплощена тема истинной любви: Анастасия верна мужу и в посмертье, явившись из рая, чтобы его утешить; с ней связан редкий в поэме светлый цветовой образ, белый платок в цветах, – единственное, что уцелеет в путешествии по аду, символ чистоты и высшей духовности.

Отдельно стоит также упомянуть о двух персонажах, в которых автор выделяет особое качество – склонность к актерству. Это Нерон и Шекспир. Очевидно, что среди грехов Нерона гонения на христиан, деспотизм и безнравственность, а также легендарное сожжение Рима, но в фокус автор ставит другое. Протоиерей Иоанн Павловцев, рассматривая императора в качестве прообраза антихриста, отмечает, что для Нерона стремление прославиться как актер и поэт было даже важнее власти, потому что он «был одержим болезненным тщеславием» [Павловцев: 314]. Кузнецов выводит мотив игры на уровень всей поэмы – играют не только персонажи-актеры: черти играют в карты, ставя на кон самого царя, «играют грешниками, дергают их за невидимые нитки» [Кузнецов 2013, 5: 598]. Поэт с позиций православия осуждает бесовские игрища и кривлянья актеров, потому что за ними одна пустота, они тоже лишь «подобье» (в эпизоде, где герои встречают персонажей Шекспира и самого драматурга, вновь использовано это слово – уже в отношении театра «Глобус», в названии которого заключено подобье «земли без небес», то есть материальное без духовного). К этой же группе относится Чаплин, человек-марионетка, которого чертям наскучило дергать за ниточки и который теперь дергает сам себя – визуально этот образ напоминает гипертрофированную актерскую игру эпохи немого кино с ее акцентом на жестиком и мимике из-за отсутствия возможности передачи слов посредством звуковой речи.

Ад в поэме, таким образом, не просто место, но состояние, состояние «игры», «призрачности» и «подобия», в ловушке которого оказываются грешники, потому и возникает во многих стихотворениях образ царствующего и на земле ада. В произведении «Ад над нами» использован оксюморон – ад всегда располагается внизу земли или рая, под ними, под Вселенной, «поднятие» его на поверхность знаменует наступление последних времен, свидетелем которых становится, умирая, лирический герой. Это стихотворение постперестроечное, и потому царящие в нем эсхатологические мотивы свидетельствуют о страхе героя за судьбу Родины. Однако ад видится герою во сне, все происходящее – иллюзия, морок, туман, видение в состоянии между жизнью и смертью стремящегося вырваться к свету человека. Присутствует здесь и характерный при изображении Кузнецовым inferнального элемента мотив отражения, в данном случае воплощенный в образе двойника, и постоянный для поэзии Кузнецова образ нечистых собак. Связано с этим стихотворением тематически и мотивами и «Что мы делаем, добрые люди?», также посвященное осмыслению судьбы Родины после исторических потрясений: Россия предстает как место битвы добра и зла, ад забирается на землю, его тени «полышут в Кремле» [Кузнецов 2013, 5: 51].

Экспансия адских сил проявляется также через звуковые образы – громкие, какофоничные, механизированные. Жуткий шум сопровождает разрушительные, по мнению поэта, события в судьбе Родины: «век грохочет адом»; гласность царит под стук зубов, стук «с того света, где ад»; лирический герой «Воспоминания о Боге» слышит «адский шум и лязг веков, мышиный писк всеобщего итога» [Кузнецов 2013, 5: 291].

Для выражения всеохватности описываемого в ряду однородных членов использована также пара «в пустой воронке вихря, в райской куще» в стихотворении «Федора». С.Ю. Николаева выделяет основной смысловый вектор этого стихотворения: «Россия существует и стоит на своем законном месте среди других народов и государств вопреки всем историческим катастрофам и бедствиям» [Николаева: 83]. Образ Федоры-России через введение крайне широкого ряда однородных членов становится всеохватным: вбирает он и inferнальное (пустая воронка вихря), и райское.

Рай в поэзии Кузнецова также связан с образом Родины, но, в отличие от ада, несет исключительно положительную окраску.

Протоиерей Николай Иванов, исследуя этимологию библейской фразы о рае из Книги Бытия («И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке» [Быт. 2:8]), обращает внимание на символическое ее значение. Рай, согласно этой трактовке, благоухающее, защищенное место радости, где человеку «легко и отраднo» [Иванов: 174], но место это не географи-

ческое, а существующее в духовной плоскости и символизирующее близость человека к Богу.

Образу райского сада посвящены в творчестве Кузнецова две поэмы – «Красный сад» и «Рай» (неоконч.). Рассматривая первую из них, Н.Н. Гордиенко особое внимание уделяет ее цветовым и звуковым образам, отмечает живописность, с которой подходит поэт к изображению прекрасного, не тронутого греховностью человека места, наполненного «ярким сиянием, композицией изысканных ароматов и небесным пением» [Гордиенко: 21]. Здесь мы снова встречаем уже знакомую характеристику: «Все на свете – темное подобье» [Кузнецов 2013, 5: 249]. Настоящим в данном случае является лишь сам рай – место, близкое к Богу. Именно причастность к Божественному становится определяющей в изображении высшей реальности, истинного бытия, оттого и inferнальные мотивы при включении в текст неизбежно сопровождаются образами смуты, тумана, лжи и морока, а сам ад – лишь своего рода слепок, пародия, а не реальное место.

Из неоконченной поэмы «Рай» сохранилось лишь несколько начальных эпизодов с авторскими примечаниями, о замысле поэмы нам известно из воспоминаний современников поэта и его интервью. Кузнецов говорит о сложности изображения светлого начала, отмечает, что у Данте «Рай» вышел слабее «Ада», но указывает на необходимость создания продолжения «Сошествия в ад» ради сохранения равновесия [Кузнецов 2015: 330]. Начальные эпизоды поэмы действительно соотносятся с таковыми в поэме об аде: «Рай» так же написан пятистопным дактилем со смежной рифмовкой и активным использованием приема повтора, герои попадают туда на туче вместе с Господом, упоминаются персонажи, спасенные Христом из ада. Преддверье рая резко контрастирует с мрачными картинами ада: «все засияло», «воздух был свеж и прозрачен». Врата Эдема охраняет херувим с огненным мечом – канонический образ, упоминающийся в Книге Бытия [3:24]. Любопытен образ «многоочитых ангелов», которых встречает поэт. Как отмечает П.А. Юнгер, множество глаз означает Божественное всеведение [Юнгер]. Подобные ангелы также упоминаются и подробно описываются в видении Иезекииля и представляют собой прекрасные и вместе с тем устрашающие колеса с глазами по ободьям.

Ад и рай, однако, не изолированы друг от друга. Светлому образу Анастасии в «Сошествии в ад» противопоставлен образ ворона-искусителя в раю: подобная «проницаемость» границ двух लोकсов свидетельствует о безостановочной борьбе сил добра и зла, не прекращающейся не только на земле, но и в раю и аду. Завершение ее наступит лишь после Второго Пришествия Христа, когда добро одержит оконча-

тельную победу над злом (предвестие которого отражено в эпизоде борьбы Христа с сатаной в «Шестствии в ад»).

Пронизывающий зрелое творчество поэта мотив тоски по Божественному свету и отпадения человечества от благодати Божьей выражен на образном уровне в «изгнаннике рая». В поэме «Рай» это характеристика Адама, рыдающего о веках отчуждения на земле и в аду. Его покаянный плач – дорога к искуплению, «возвращение в Рай». С Адамом сравнивается и лирический герой в стихотворении «Вечный изгнанник», одиноко страждущий в отдалении от Бога на земле, где царит пустота, мрак и «толпа, что не помнит родства». Экзистенциальная тревога, таким образом, неразрывно связана для поэта с чувством заброшенности в мире, но в основе ее лежит религиозное чувство.

«Изгнанником рая» назван и в небольшом стихотворении-притче павлин, являющийся амбивалентным образом: с одной стороны, это символ рая и души, бессмертия, красоты и величавости, с другой – гордости, тщеславия и спеси [Чернышева, Дубовицкий: 158]. С павлином сравнивается любовь, но любовь «пустая», «мертвая» – то есть земная, которая, по словам самого поэта, приводит в ад [Кузнецов 2015: 363]. Подобное построение образа – по схеме «внешне прекрасное, но внутренне тлетворное или пустое» – характерно для поэзии Кузнецова в целом (ср. с претворением темы познания через символ яблока или воплощение образа красоты, к примеру в стихотворении «Лада», где описана красота женского имени, лишенная духовного наполнения, или же в произведении «“Мир спасёт красота”. Помолчи!»).

Нетрудно заметить, что инфернальные мотивы в поэзии Кузнецова преобладают над мотивами эдемскими, что объясняется несколькими причинами. Во-первых, стремление поэта художественно осмыслить современную ему социально-историческую ситуацию (Кузнецову как поэту, для которого судьба Родины стояла на первом месте, эта тема наиболее близка) посредством введения инфернального элемента выливается в создание множества произведений, где образ ада используется для отображения «мятежности», «смуты» постперестроечного времени. Во-вторых, поэт, к сожалению, по объективным причинам не успел реализовать некоторые свои идеи относительно образа райского сада (например, поэму «Рай»). Однако имеющегося материала достаточно для того, чтобы сделать вывод относительно основного направления развития указанных образов: ад и рай в поэзии Кузнецова являются моделями ложной и истинной реальностей.

Список литературы

Гладков Б.И. Толкование Евангелия. Сергиев Посад: Свято-Троиц. Сергиева Лавра, 2004. 845 с.

Гордиенко Н.Н. Русская поэзия рубежа XX–XXI веков в контексте православной духовной традиции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2008. 30 с.

Данте Алигьери. Божественная комедия. Новая жизнь. Москва: Иностранка: Азбука-Аттикус, 2014. 768 с.

Дмитренко С.Ф. Данте и его образы в творчестве Юрия Кузнецова // Вестник Литературного института имени А.М. Горького. 2015. № 4. С. 69–77.

Иванов Н. И сказал Бог... Библейская онтология и библейская антропология: опыт истолкования Книги Бытия. Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2005. 478 с.

Кузнецов Ю. Стихотворения и поэмы: в 5 т. Москва: Литературная Россия, 2013.

Кузнецов Ю. Тропы вечных тем: проза поэта. Москва: Литературная Россия, 2015. 713 с.

Николаева С.Ю. «Русская идея» в стихотворении Юрия Кузнецова «Федора» // Вестник Тверского государственного университета. 2020. № 3. С. 79–90.

Павловцев И. Толкование Апокалипсиса. Москва: Дар, 2017. 320 с.

Сорокин А. Христос и церковь в Новом Завете: введение в Священное Писание Нового Завета. Москва: Изд-во Крутицкого подворья, 2006. 646 с.

Чернышева М.И., Дубовицкий А.Б. Царские (царственные) и солнечные птицы (павлин, феникс, петух и орел) // Пространство и Время. 2016. № 3–5. С. 156–174.

Юнгеров П.А. Библейский характер видения пророка Иезекииля, описываемого в 1–3 главах его книги // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Yungerov/biblejskii-harakter-videniya-proroka-izekiilja-opisyvaemogo-v-1-3-glavah-ego-knigi/ (дата обращения: 13.02.2022).

References

Chernysheva M.I., Dubovitskii A.B. *Tsarskie (tsarstvennyye) i solnechnye ptitsy (pavlin, feniks, petukh i orel)* [Royal (regal) and solar birds (peacock, phoenix, rooster and eagle)]. *Prostranstvo i Vremia* [Space and Time], 2016, № 3-5, pp. 156–174. (In Russ.)

Dante Alighieri. *Bozhestvennaia komediia. Novaia zhizn'* [The Divine Comedy. New Life]. Moscow, Iностранка, Azbuka-Attikus Publ., 2014, 768 p. (In Russ.)

Dmitrenko S.F. *Dante i ego obrazy v tvorchestve Iuriiia Kuznetsova* [Dante and his images in the works of Yuri Kuznetsov]. *Vestnik Literaturnogo instituta imena A.M. Gor'kogo* [Bulletin of the Maxim Gorky Literature Institute], 2015, № 4, pp. 69–77. (In Russ.)

Gladkov B.I. *Tolkovanie Evangeliiia* [Interpretation of the Gospel]. Sviato-Troits. Sergieva Lavra Publ., 2004, 845 p. (In Russ.)

Gordienko N.N. *Russkaia poeziia rubezha XX–XXI vekov v kontekste pravoslavnoi dukhovnoi traditsii:*

avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Russian poetry of the turn of the XX–XXI centuries in the context of the Orthodox spiritual tradition: PhD thesis, summary]. Moscow, 2008, 30 p. (In Russ.)

Iungerov P.A. *Bibleiskii kharakter videniia proroka Iezekiilia, opisyvaemogo v 1–3 glavakh ego knigi* [The biblical nature of the vision of the Prophet Ezekiel, described in chapters 1–3 of his book]. *Pravoslavnyi portal "Azbuka very"* [The Orthodox website "ABC of Faith"]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Yungerov/biblejskii-harakter-videniia-proroka-iezekiilja-opisyvaemogo-v-1-3-glavah-ego-knigi/ (access date: 13.02.2022). (In Russ.)

Ivanov N. *I skazal Bog... Bibleiskaia ontologiiia i bibleiskaia antropologiiia: opyt istolkovaniia Knigi Bytiii* [And God said... Biblical Ontology and Biblical Anthropology: The Experience of Interpreting the Book of Genesis]. Klin, Khristianskaia zhizn' Publ., 2005, 478 p.

Kuznetsov Iu. *Stikhotvoreniia i poemy: v 5 t* [Lyrics and poems: in 4 vols.]. Moscow, Literaturnaia Rossiia Publ., 2013. (In Russ.)

Kuznetsov Iu. *Tropy vechnykh tem: proza poeta* [Paths of Eternal Themes: the poet's Prose]. Moscow, Literaturnaia Rossiia Publ., 2015, 713 p. (In Russ.)

Nikolaeva S.Iu. "Russkaia ideia" v stikhotvorenii Iurii Kuznetsova "Fedora" ["Russian Idea" in Yuri Kuznetsov's poem "Fedora"]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tver State University], 2020, № 3, pp. 79–90. (In Russ.)

Pavlovtsev I. *Tolkovanie Apokalipsisa* [The apocalyptic interpretation]. Moscow, Dar Publ., 2017, 320 p. (In Russ.)

Sorokin A. *Khristos i tserkov' v Novom Zavete: vvedenie v Sviashchennoe Pisanie Novogo Zaveta* [Christ and the Church in the New Testament: An Introduction to the Holy Scriptures of the New Testament]. Moscow, Krutitskoie podvor'ie Publ., 2006, 646 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.07.2022; одобрена после рецензирования 26.09.2022; принята к публикации 01.10.2022.

The article was submitted 14.07.2022; approved after reviewing 26.09.2022; accepted for publication 01.10.2022.